

ПОЧЕМУ ВОЮЕТ АРАБСКИЙ МИР *

У. Пфафф

С момента распада Османской империи в ходе первой мировой войны арабская цивилизация погрузилась в глубокий кризис, который может быть разрешен только изнутри. По характеру это и политический и религиозный кризис, и его, наверное, можно сравнить с Тридцатилетней войной в Европе, закончившейся в 1648 году после заключение Вестфальского мира, создавшего новую международную систему национальных суверенитетов, а в области религии уместно сравнение с принятием аугсбургского принципа (1555 год), сформулированного в латинской фразе *cuius regio, eius religio* (чья страна, того и религия). Грубо говоря, эти условия продолжают существовать на Западе и в наши дни, несмотря на мрачную тоталитарную интерлюдия XX столетия.

Неожиданное появление того, что называется сегодня Исламским халифатом, — он смел со своего пути все то, что было раньше, его зверства демонстрируют его силу и безжалостность, а его открытой провозглашаемой судьбоносной целью является воссоздание Золотого века ислама, — не стоит рассматривать как нечто новое в империалистической и постимпериалистической истории. Удивительно то, что дебаты в западных кругах относительно того, что делать (или чего не делать) в отношении ИГИЛ представляются, в основном, оторванными от истории и безразличными в том, что касается модели последовательной бесполезности и провалов западных усилий, направленных на подчинение своей воле не западного мира. Новое движение, которое заявляет о восстановлении утраченной власти и славы ислама, какими бы неубедительными ни были подобные декларации, являются, на самом деле, конечным этапом того кризиса, который переживает арабская мусульманская цивилизация с момента утра-

ты единства после поражение Османской империи — последнего проявления объединенного ислама.

Постоянно ведутся разговоры о том, что нужно консультироваться с историей для того, чтобы понять настоящее, однако на практике это редко делается непредвзято.

Подъем радикального народного движения с требованием возвращения утраченного золотого века в условиях фрагментированного и дезориентированного общества происходил, по крайней мере, дважды в Китае в XIX веке (Тайпинское и Боксерское восстание), а также в колониальной Индии (так называемое Сипайское [Sepoy] восстание) и в Судане (при участии Мухаммада Ахмада аль-Махди, мессианского очистителя ислама, захватившего Хартум в 1885 году и убившего генерала Чарльза Гордона). В данном случае мы взяли только наиболее известные примеры восстаний против колониального правления.

Подобный феномен появился в постколониальной Африке: как еще можно назвать ужасную, составленную из детей Господню армию сопротивления в Уганде (Lord's Resistance Army) или другие радикальные движения, в том числе Боко Харам, которое на Западе просто называют «террористическим»? Их власть основана на том, что они мотивированы одной из версий религиозного извращения.

Все они представляют собой выражение, вероятно, наиболее важного постоянного возвращающегося феномена самой истории — речь идет о поиске ключа к тысячелетию, который является общим на протяжении истории как для изощренных, так и для простых обществ. Чем, по мнению людей, являлся коммунизм, который во фрагментированном виде продолжает существовать и сегодня? Он предлагал метод реализации того, что коммунисты — Коминтерн, советское и другие правительства — обещали и во что они, на самом деле, верили: они ожидали наступ-

* Источник: <http://www.theamericanconservative.com/articles/why-the-arab-world-fights/>

ления Великого дня, когда воплощенная добродетель проявит себя в измененных условиях в будущем, и тогда настанет перманентное счастье, а страдающему народу будет дарована справедливость и счастье. Это секулярная религия.

В данном случае речь идет о современном феномене. На Западе во время Религиозного века (Age of Religion) обещанный рай существовал вне временных рамок, и вход туда мог быть открыт лишь в конце наполненной страданиями земной юдоли в результате прихода мессии. Тысячелетие означало окончание секулярного времени, когда человеческая история завершает свой «тысячелетний путь» и наступает божественное правление — как было обещано в Откровении Иоанна Богослова. Марксизм представлял собой секулярный перевод этого религиозного обетования, провозглашенного новыми пророками — самим Марксом, Энгельсом, Мао Цзэдуном. Секуляризованное пророчество было необходимо, потому что Бог был убит в эпоху европейского просвещения.

В исламе существует иные представления. Эмир Абу Бакр аль-Багдади, предполагаемый новый халиф ислама, ожидает реализации обещаний Пророка Мухаммеда, которые, как и в христианстве, имеют вневременной характер.

Провозглашенный в августе прошлого года Исламский халифат заявляет о своей готовности напасть на Запад, в первую очередь на Соединенные Штаты, а также на еретических арабских союзников Запада, а частности на связанное с американцами шиитское государство Ирак, а также на Саудовскую Аравию, где утвердившие свою власть сунниты заявляют о верховенстве ваххабизма. Конфликт между суннитами и шиитами внутри ислама продолжает расширяться и приобретает все более ожесточенный характер, а поддерживают его крупные и богатые исламские государства, в том числе суннитская Саудовская Аравия, суннитский Катар и шиитский Иран. На Ближнем Востоке сегодня много войн, но в настоящее время все они происходят внутри исламского общества, и их причиной является древний религиозный спор по поводу истинных догматов Про-

рока с последующей подчиненной этому вопросу политической мотивацией. Будет лучше, если все так и останется.

Почему американские оппозиционные политики решили, что Обама должен проявить свой характер и сделать это вновь с помощью войны? Ирак и Сирия, погрязшие в гражданском конфликте, «Хезболла», выступающая против Израиля, суннитские повстанцы и правители из числа алавитов в Сирии — все они на сегодняшний день доказали, что являются великолепными бойцами в борьбе против своих врагов. Только новая иракская армия недавно потерпела поражение, и это произошло после 10 лет ее подготовки с участием американцев — не подлежит сомнению, что это является результатом неспособности руководства Ирака добиться лояльности и достичь того понимания в обществе, которое бы связало армию с государством и с народом. Это политический провал, результат бездумного разрушения администрацией Джорджа Буша младшего секулярного Ирака, существовавшего до 2003 года.

Нынешний кризис у арабов начался вслед за большой войной, когда победители, главные европейские имперские державы того времени, взяли под свой контроль остатки Оттоманской империи, используя для этого новый инструмент, Лигу Наций, для получения мандата на осуществление инспекционного контроля над новыми монархиями и другими территориальными образованиями, признанными после окончания военных действий. Тем не менее, продолжился поиск возможности объединения людей ислама, единого, хотя и в теологическом отношении разделенного народа, народа, объединенного Кораном, а также арабским языком, на котором написан Коран и на котором он до сих пор читается.

Система Оттоманской империи, заменившая собой великие арабские халифаты, была разрушена в XIX столетии и в начале XX столетия за счет сопротивления в славянских европейских частях империи, а затем в результате столкновения оттоманов в ходе мировой войны с современной, индустриальной Европой. Интеллектуальный и идеологический вызов со стороны европейского просвещения, конечно, не мог не

повлиять на исламских мыслителей и стал причиной возникновения в этой империи предшественников реформаторского движения младотурков.

После 1918 года вечный, исламский, но не арабский Египет остался монархией — однако под британской «защитой». Персия, тоже не арабская страна и страна с древней, независимой монархией, оказалась под неформальным контролем Британии после обнаружения там нефти, необходимой для обеспечения горючим королевского военноморского флота. Сирия, Ирак и Трансиордания получили в качестве правителей хашимитских арабских монархов — в Ираке начал править Фейсал, возглавлявший «арабское восстание» вместе с Лоуренсом Аравийским (Т.Е. Lawrence) в качестве военного консультанта, а перед этим Фейсала сделали королем Сирии до того времени, пока его не сместили французские колониальные власти.

Сирия и Трансиордания стали подмандатными территориями Лиги Наций — соответственно, под французским и британским контролем. Палестина, как известно, также оказалась под британским управлением, но при этом не существовало никаких условий относительно выполнения довоенного обещания Британии об учреждении еврейского национального дома (при условии, как это было уточнено в Декларации Бальфура, что права существующих нееврейских сообществ в Палестине будут уважаться).

Та территория, которая в то время была племенной Аравией, находилась в процессе завоевания пуританским ваххабитским движением под руководством Ибн Сауда, и захваченные им земли в 1932 году были провозглашены независимой Саудовской Аравией, тогда как современный Йемен остался под племенным управлением.

Европейские колониальные правительства привыкли управлять «малыми» народами за пределами европейской территории и за морями, и они считали, что действуют в интересах своих подданных, а также в своих собственных интересах. В тот момент они делали это под предлогом безупречной власти «международного сообщества», как сегодня бы рассматривалась Лига Наций, и при

этом не принимались в расчет чаяния арабских народов относительно единства и истинной независимости.

Новые монархии в Ираке и в Сирии попали под влиянием националистических и милитаристских движений в 1920-е и в 1930-е годы. Настроенная на модернизацию и секуляризацию панарабская Партия БААС в конечном итоге получила власть в обеих этих странах. Ее сторонники находились также под влиянием ливанских христиан, опасавшихся того, что они могут стать изолированными в рамках какой-то новой мусульманской панарабской нации. Наиболее близко подойти к панарабскому идеалу — созданию «арабской нации» — удалось после 1953 года полковнику Гамалю Абделю Насеру, который ввел «арабский социализм» в арабскую политику и создал эфемерный союз Египта с Сирией и Йеменом. Конфессиональный радикализм организации «Братья-мусульмане» — она была основана в 1928 году, однако Насер ее не поддерживал — была и остается панарабским движением с многочисленными проявлениями и в будущем она, вероятно, продолжит играть важную роль, несмотря на поражение в Египте.

Через три столетия после перемирия в Большой войне вновь созданная Организация Объединенных Наций — западное образование, (до сих пор) находящееся под контролем Соединенных Штатов — разделила британскую подмандатную Палестину для того, чтобы образовать еврейское национальное государство, что было обещано британским правительством в Декларации Бальфура в ноябре 1917 года, и таким образом были созданы основы для перманентного конфликта с палестинскими собственниками земли. С того времени постоянно ведется борьба между поддерживаемыми американцами сионистами и арабским населением Палестины. Все это вызывает политико-психическую трансформацию в обыденном арабском сознании и возрождает повышенную чувствительность по отношению к крестоносцам, великим Халифатам и оттоманскому периоду, когда мусульмане правили на Балканах в Европе на пространстве от Греции до Вены. С обеих сторон палестинский конфликт до-

стиг определенного уровня — если использовать термин из лексикона израильских политиков, — уровня борьбы за существование. Смерть проигравшему.

Независимые инициативы периода после окончания Второй мировой войны были направлены на объединение арабов — война против разделения Палестины и создания Израиля, арабский социализм при Насере, секулярная партия БААС в Сирии и в Ираке, религиозные инициативы, в том числе движение «Братья-мусульмане», — и все они в конечном итоге закончились неудачно.

В сложившемся политическом климате арабского национального провала и, как казалось, неразрешимого израильско-палестинского конфликта Соединенные Штаты были убеждены в том, что они способны навязать новый порядок. Это было ясно при взгляде на общую американскую политику во время войны и в послевоенном мире. Существовали две внешнеполитические цели, реализации которых нужно было добиваться на Ближнем Востоке. Первая состояла в том, чтобы обеспечить Америке доступ к энергетическим ресурсам. Это было сделано еще во время войны в результате соглашения между Франклином Рузвельтом и Ибн Саудом из Аравии, смысл которого состоял в прямом обмене постоянного доступа к саудовской нефти на постоянную защиту со стороны Соединенных Штатов. Вторая цель состояла в том, чтобы найти решение арабо-израильской проблемы. Если бы Вашингтон хотел навязать подобное соглашение в 1950-х годах — создание двух постоянных государств при наличии гарантий со стороны Соединенных Штатов, то не было бы продолжавшейся 60 лет войны — открытой и скрытой. Но это не было сделано, и Израиль в конечном итоге подтвердил свои намерения относительно своего обладания Святой землей, какую бы цену при этом ни заплатили палестинцы, которых первоначально в дискурсе израильской пропаганды называли не имеющими большого значения кочующими племенами. Америка оказалась под внутренним давлением и была вынуждена защищать последствия подобной фикции.

Постоянное препятствие для американского успеха в этом регионе образовалось

в Иране в 1951 году, когда премьер-министром страны стал всенародно избранный популист Мохаммед Моссадык, который, вопреки желанию шаха, национализировал британские нефтяные активы. Шах бежал. Однако в 1953 году в результате переворота, управлявшегося британской и американской разведывательными службами, правление шаха было восстановлено. Позднее администрация Никсона торжественно назначила его союзником Соединенных Штатов и хранителем порядка в Персидском заливе. Однако в 1979 году во время еще одного периода международного беспорядка произошел государственный переворот, совершенный шиитскими религиозными фундаменталистами, и шах был вынужден бежать. В тот момент произошел также захват сотрудников американского посольства, что было унижением для правительства Соединенных Штатов. В результате сложилось враждебное отношение к Ирану, которое с тех пор определяет американскую политику.

Главным следствием этих событий стало нападение Ирака на Иран по причине территориальных споров, получившее молчаливую поддержку Америки. Эта война продолжалась восемь лет, а ее жестокость была сравнима с тем, что происходило во время первой мировой войны. В 1990 году Ирак вторгся в Кувейт — еще один территориальный спор, и возглавляемая Соединенными Штатами коалиция тогда освободила Кувейт, после чего было принято решение о размещении постоянной базы в Саудовской Аравии, несмотря на возражения саудитов относительно присутствия подобных объектов вблизи мусульманских религиозных святынь. После атаки на Нью-Йорк и Вашингтон 11 сентября 2001 года представители движения «Аль-Каида», составленного в значительной мере из жителей Саудовской Аравии, прямо заявили о том, что их мотивом является направление божьего гнева на Америку в ответ на кощунственные действия Соединенных Штатов на Ближнем Востоке. Президент Джордж Буш младший в ответ назвал джихадистов из «Аль-Каиды» воплощением зла.

Американское вторжение в Афганистан и арабский Ирак было вдохновлено стрем-

лением отомстить за атаки 11 сентября. Кроме того, оно было оправдано фиктивными утверждениями о мнимом наличии оружия массового уничтожения в Ираке, а также своекорыстной химерой «демократизации» этих двух обществ, а затем и остальных арабских и центрально-азиатских исламских государств, которых стали называть кандидатами на то, чтобы быть интегрированными в управляемую Соединенными Штатами либеральную региональную систему.

«Новый Ближний Восток», официальной провозглашенный НАТО в конце 2013 года, так и не появился на свет, но его создание продолжает оставаться целью для экспансионистских неоконсервативных мечтателей из числа тех людей, который определяют американскую политику. Кондолиза Райс, госсекретарь в администрации Буша, в своей статье, опубликованной в 2008 году в журнале *Foreign Affairs*, отметила: «Создание функционирующих демократических государств сегодня является важной составляющей наших национальных интересов», и это отражает «исключительно американский реализм», который говорит о том, что роль Америки состоит в «изменении мира» — по своему образу. 11 сентября 2014 года Вали Наср (Vali R. Nasr), известный декан Школы международных отношений Университета Джона Хопкинса, написал в газете *New York Times* о том, что Америка «должна обеспечить поддержку во всем регионе принципа разделения властей и формирования наций. Это нелегкая задача. Однако тот кризис, с которым столкнулась Америка, требует великой стратегии...» Десятилетие провалов прошло, однако великие планы не изменились.

Президент Обама заявил, что джихадизм нового Исламского государства является воплощением зла, которое нужно остановить и уничтожить. Две стороны в этом возобновлении войны Джорджа Буша против глобального террора — евреи и христиане на Западе и их арабские противники — считают себя «народом Писания» и потомками пророка Авраама. Сегодня они в своем собственном представлении стали действующими лицами в апокалиптической судьбе, описанной в Книге Откровения. Многие

американские евангелические протестанты убедили себя в том, что современная американская внешняя политика может быть понята только в рамках подобного контекста.

Препятствием на пути к достижению Вашингтоном успеха в возобновлении войны на Ближнем Востоке является то, что американская политическая модель уже давно не воспринимается многими людьми в этом регионе как убедительная или вызывающая уважение, и, скорее, все совсем наоборот. Более того, поведение Вашингтона после атаки исламских радикалов в 2001 году на Нью-Йорк и Пентагон подорвало или умышленно нарушило положение институтов международного порядка, среди которых в прошлом Соединенные Штаты играли ведущую роль. Коды международной справедливости и моральности, разрабатываемые западным сообществом с XVII столетия, когда это было нужно, не соблюдались или отвергались, а также высказывались требования о том, чтобы Соединенные Штаты были исключены из юрисдикции международного права, а также из юрисдикции того, что до последнего времени считалось принятыми нормами международной морали в области прав человека и национального суверенитета.

Таким образом, внешняя политика Соединенных Штатов была лишена важной части своего предполагаемого первоначального морального содержания. Ассимиляция современных тоталитарных влияний, ценностей и практик, имевшая место в Соединенных Штатах после 2001 года и включавшая в себя государственные убийства, селективные убийства с применением беспилотников, игнорирование важных процессов, пытки и постоянное заключение людей под стражу без судебного разбирательства — все это оправдывалось американскими лидерами в их поведении, в результате которого возникало близкое к войне состояние — война не столько религий как таковых, сколько война между абсолютизмом религиозного характера и другим абсолютизмом — нашим, то есть с политической культурой экстремального и солиптического тысячелетнего национализма.

На память приходит теория Самюэля Хантингтона, сформулированная в конце

его карьеры, в соответствии с которой «следующая мировая война» будет, скорее, войной религий, а не войной государств. Автор этих строк не согласился тогда с высказанной теорией и назвал ее простой проекцией в будущее опыта XX столетия, а также традиционным американским внешнеполитическим мышлением 1990-х годов, особенно того, которое активно продвигалось вашингтонскими неоконсерваторами, агрессивно настроенными против ислама.

Неправдоподобность данной теории возросла из-за аргумента о том, что Китай (Вашингтон рассматривал его тогда как будущего врага и, вероятно, продолжает это делать и сейчас) должен был стать частью «конфуцианско-исламских усилий...», направленных на противодействие военной силе Запада», и этот союз, если бы он на самом деле существовал, судя по всему, не был бы очень полезен Китаю — нации с рассредоточенным и третируемым мусульманским меньшинством, составляющим 3% от общего населения страны. Кроме того, Пекин мало может выиграть от участия в мусульманском конфликте с Вашингтоном.

Главным результатом тезиса Хантингтона в то время, когда его активно поддерживали Соединенные Штаты, было увеличение количества антиарабских предрассудков, особенно среди друзей Израиля. Он внес свою лепту в создание определенного климата среди влиятельных политиков, который, вероятно, сделал неизбежной месть администрации Буша после атаки 11 сентября 2001 года. Еще большее влияние он оказал на исламских интеллектуалов, на идеологические круги и на арабские правительства по причине его гарвардского происхождения, известности профессора Хантингтона, который считался патриархом американской академической политологии (она образовалась в 1930-х годах под влиянием бихевиористского течения) и который в течение многих лет оказывал главное влияние со стороны научного мира на принятие политических решений в Вашингтоне. Не предложил ли он нападение Запада на мусульманский мир? (он этого не сделал; его статья была опубликована в 1993 году, спустя два года после нападения

сил коалиции на Ирак по причине захвата им Кувейта; американо-британская оккупация Ирака и «глобальная война с террором» начались через десять лет).

В то время как китайско-арабский военный альянс вряд ли сегодня можно считать угрозой, тезис Хантингтона относительно новой религиозной войны в некоторых кругах воспринимается весьма серьезно после атак на Уолл-Стрит и Пентагон 11 сентября, а также по причине усиления влияния исламских партий и возникновения новой волны джихадизма. В 2014 году, спустя всего несколько дней после провозглашения Исламского государства — нового халифата — в Конгрессе, а также в вашингтонских исследовательских центрах стали активно требовать нападения на ИГИЛ (ИГИС или Арабский халифат или DAESH, если использовать арабскую аббревиатуру), и одновременно началась критика в адрес Барака Обамы по поводу его первоначального нежелания действовать.

Но почему? Предыдущие интервенции на Ближнем Востоке оказались безрезультатными и наносящими ущерб обеим сторонам. Американцы пытаются сами стать олигархами современного арабско-исламского мира, используя для этого вторжения и войны, реальное воздействие которых состоит в формировании враждебного отношения у значительной части арабов на Ближнем Востоке и придании ему законной силы, и все это сами арабы и их лидеры пытаются направить против нас. В ходе предвыборной кампании Барак Обама обещал положить конец двум войнам, и эту задачу ему еще только предстоит решить, но сегодня он отвечает на язвительные нападки и убийства, с помощью которых ИГИЛ пытается втянуть Соединенные Штаты в продолжение убийств из чувства мести и таким образом оправдать свои собственные действия и амбиции.

Речь идет о войне, которая проходит в основном внутри исламской цивилизации, и политические причины возникли внутри самого этого общества, а также в результате предпринятых внешних провокаций. Эта война может быть урегулирована только народами самой этой цивилизации. И меньше всего она нуждается в новой военной интер-

венции. Первые империалистические интервенции после 1918 года, предпринятые Британией и Францией, расшатали исламское единство в том виде, в котором оно существовало в поздний период Османской империи, когда Высокая Порта была важной европейской, а также средиземноморской державой. Крупные нации занимались дроблением этого региона и после Второй мировой войны, и тогда были сорваны многочисленные арабские усилия, направленные на воссоздание призрачного идеала арабской нации.

Американские попытки сделать иранского шаха своим полномочным представителем, а его государство — агентом американского влияния на Ближнем востоке закончились провоцированием фундаменталистского Ирана, ставшего затем значимым врагом Америки в этом регионе. Американское вторжение в управляемый Талибаном Афганистан и в находящийся под властью суннитов Ирак превратили оба эти государства в ущербные и коррумпированные марионеточные режимы. Наверное, можно предположить, что любая новая американская стратегия, направленная на реформирование Ближнего Востока, будет воспринята в мире как сумасшествие, даже в Вашингтоне. Прежние попытки принесли лишь разрушения, и породили лютую ненависть по отношению к Соединенным Штатам в большей части исламского мира — а также, если хотите, и сам «Новый Халифат». Вашингтон в настоящее время назначил себя лидером еще одной, как ожидается, неудачной интервенции, в ходе которой могут погибнуть десятки, сотни тысяч людей или даже миллионы, если военные действия будут продолжены.

Саудовская монархия и Соединенные Штаты как спонсоры того, что осталось от Ирака, объявляют себя защитниками в борьбе против возможного преемника главных суннитских держав — Исламского государства Ирака и Леванта, провозглашенного Новым Исламским Халифатом, и сегодня ИГИЛ открыто претендует на право обладания святыми местами.

Присоединившись к Соединенным Штатам и к коалиции для борьбы против Нового

Халифата, Саудовская Аравия и остальные представители арабского мира в очередной раз продемонстрировали свою зависимость от иностранной и интервенционистской державы для защиты своей собственной целостности, что является признанием беспомощности в деле воссоздания арабского исламского мира в той его полноте и целостности, которой он обладал во времена Османской империи. Кроме того, подобные действия являются подтверждением их капитуляции в том, что касается раздробления и империалистического влияния XX века, а также они свидетельствуют об их нежелании и неспособности восстановить прошлое единство — и именно такую задачу ставит перед собой новое и варварское суннитское движение, какой бы ни была цена предпринимаемых им действий для исламской цивилизации.

Не часто можно встретить комментарии по поводу того, что все секулярные политические идеологии, занимающие доминирующее положение в политическом мышлении Запада после эпохи просвещения, являются, по сути, невыносимыми, даже абсурдными с точки зрения здравого смысла, если ни зловещими и недостижимыми — идеи относительно утопического рая для рабочих, «перманентной» революции, нордического правления миром с истреблением всех неполноценных в расовом отношении людей, полностью гармоничного экономического пространства самокорректирующихся рынков и постоянного экономического роста, реорганизованной исламской цивилизации, глобального правления наиболее сильного с подавлением всех остальных — и таким образом они направляли усилия человека на эксплуатацию своей наиболее отсталой и жестокой энергии. Маркс говорил о том, что история не создает проблем, которые она сама не решает. Я полагаю, что это верно в том смысле, что все проблемы истории, в конечном счете, разрешаются тем или иным способом, однако это не является ни оправданием безумия, ни утешением для тех, кто страдает от возникающих последствий.